АННА ВЛАСОВА

Междустрочные

Анна Власова

Междустрочные

«Издательские решения»

Власова А.

Междустрочные / А. Власова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938695-3

Бывают истории, от которых сжимается сердце, которые хочется перечитывать вновь и вновь, сходя с ума по буквам и эмоциям. Потому что каждая строчка в них — это ты сам. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938695-3

© Власова А.
© Издательские решения

Содержание

Мороженое 6
Измена 8
Прощание 9
Хрусталь 11
Море 13
Они 15
Три 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Междустрочные

Анна Власова

© Анна Власова, 2018

ISBN 978-5-4493-8695-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мороженое

***

А по четвергам он кормил её мороженым, – тем самым, от которого мёрзли ладони и в голове танцевали снежинки. Она смеялась над очередной шуткой и тихонько так откусывала советский пломбир с шоколадной крошкой, стараясь не пропустить ни единой буквы его слов. Она любила. Так, как любят школьницы, сидящие на самой последней парте – волнующе, немного не понимая происходящего, но полностью отдаваясь во власть его глаз. А они были такие яркие-яркие, с лёгкой фиолетовой дымкой по краям и безумно синими внутри… И она мечтала, что однажды он уже перестанет рассказывать ей истории о других, а осторожно возьмёт за руку и тихо прошепчет «Люблю». И её ладони ломило от желания прикоснуться к его длинным тонким пальцам («как у пианиста», – вспоминала она слова мамы), почувствовать их лёгкую грубость и силу объятий. Но на улице была зима, он продолжал кутаться в шарф, лишь иногда – словно случайно – смахивая снежинки с её волос. И это был самый интимный момент в каждом из их четвергов. Она специально распускала волосы, распределяя их двумя прядями вперёд, чтобы лишний раз – ненароком – вдохнуть его морозный аромат и улыбнуться глупым девичьим мечтам…

Она помнила, как однажды он сказал, что у неё самая красивая улыбка, какую он когда-либо видел, – и с тех пор она улыбалась. Улыбалась в ответ на его «Здравствуй» и «Ну что, по мороженому?». Смеялась над очередной шуткой и совершенно перестала носить шарф, который прятал её губы. «Ты замерзнешь, – неожиданно тихо сказал он и стянул с себя тёплый шарф, – На, одень мой». И она стояла, как вкопанная, боясь пошевелиться и сделать что-то не так. Тогда он – осторожно, даже слегка смущённо, начал обматывать её шею, слегка касаясь пальцами обнаженной кожи. И казалось, что весь мир замер, застыл от напряжения момента, что вот-вот он её поцелует хотя бы в уголок губ, но он лишь произнёс «Наверное, пора перестать есть мороженое по четвергам, зима ведь уже». Развернулся и зашагал прочь. А она так и осталась стоять – застывшая, ошеломлённая – среди заснеженного парка, собирая снежинки на своих волосах и превращая каждую каплю из глаз в маленькую застывшую льдинку.

***

А через час она все ещё надеялась, что он вернётся. Слышала скрип его шагов по свежевыпавшему снегу. Чувствовала стекающее сквозь пальцы мороженое. Но продолжала стоять – застывшая, отрешённая, отдавая всю себя в объятия его тёплого шарфа. А мысли носились в голове, лёгкие надрывались от начинающей простуды, но в глазах была пустота. Та леденящая душу пустота, которая остаётся после молчания. Он ушёл. Неожиданно. Резко. Не попрощавшись. Не проводил до дома, не доел, как обычно, её холодное мороженое, одновременно смеясь над тем, как мало ей нужно для счастья… А ведь действительно мало – видеть его лохматую чёлку сквозь приоткрытую дверь кабинета, разрешать донести портфель от школы до дома и неустанное повторять маме, что они «только друзья». Он жил в соседнем подъезде – совсем не высокий, обычный парень с улыбкой Чеширского кота. Именно он в детстве разрушал её песочные замки футбольным мячом, давил кукол новой грузовой машинкой и кидался снежками в её румяные щеки. Именно он – десять лет назад – впервые позвал поесть мороженого в четверг, пока родители на работе. Он был её старшим братом, другом, а стал самым любимым во всей вселенной. И она ненавидела шесть дней в неделю, которые они проводили

порознь. Отсчитывала часы, минуты до того момента, когда увидит его после звонка, с лёгкой ухмылкой говорящего «Ну что, за мороженым?». Их маленький ритуал в любое время года – рассказывать друг другу истории за стаканчиком такого редкого советского пломбира с шоколадной крошкой…

Спустя два часа мороз все ещё трепал её раскрасневшиеся щеки, превращая слезы в маленькие скатывающиеся льдинки. А она так и стояла посреди аллеи с липкими от мороженого руками, припорошенная снегопадом и в полной невозможности сделать первый шаг….

Она не знала какое время года, который час и сколько недель прошло со звуков скорой. Перед глазами были только его исчезающая фигура и скрип шагов по свежевыпавшему снегу. Они не виделись несколько лет. Дни сменяли месяцы, превращая их в годы тишины и странного спокойствия на душе. Она сидела в маленьком кафе, наблюдая из окна за таким ненавистным ей снегопадом. Слез больше не было, как и желания улыбаться. Воспоминания с каждым днём становились более размытыми и отдалёнными, словно и не существовали вовсе. «По мороженому?» – услышала она совсем рядом знакомый до дрожи голос. Он стоял – с припорошенными от снега волосами, все с той же мальчишеской ухмылкой на губах, словно и не было этих лет. Она молчала. Следила за тем, как он снимает пальто и аккуратно вешает его на спинку рядом стоящего стула, как рассказывает, что скучал и искал её, но родители бросали трубку и просили больше не беспокоить… И ещё десяток других (наверное, даже смешных историй). Она не прикасалась к мороженому, не делала ни единой попытки улыбнуться, лишь наблюдала за ним. Тем, кто когда-то был центром её вселенной, а теперь вызывает лишь воспоминания, наполненные болью, отчаянием и любовью.

…Он продолжал говорить, когда она натягивала шарф, одевала шапку поверх туго собранных волос и молча выезжала из кафе на инвалидном кресле. Эмоции сменялись и хотелось кричать, узнать, что произошло, когда у дверей – словно услышав её мольбу – она повернула голову и тихо произнесла «Прощай».

Измена

***

А по вечерам они чаще всего кормили друг друга обещаниями: «обязательно вернусь завтра», «во вторник пойдём в кино» или самое красивое – «я буду любить тебя вечно». Он что-то говорил по громкой связи в телефонную трубку, перекрикивал ветер и настойчиво просил ответить, пока она – сидя на подоконнике в соседней комнате – медленно потягивала белое полусухое. Она ненавидела его так, что дрожали колени. По три раза в день смотрела на чемодан у порога и ждала, когда же он придёт, чтобы сказать «прощай». Ведь по телефону нельзя. Сотовая связь создана для лжи и недосказанности. Для многократных «скучаю» и миллионных счётов за тишину. Для пьяных звонков среди ночи и длинных разговоров ни о чем. А она от этого так устала. Курьер давно приносил цветы от другого, а подушка уже не пахла его одеколоном. Вечные разъезды, дела и командировки. Круглосуточные обещания и одинокие походы в кино. И пока где-то на другом конце мира он потягивал виски в компании кудрявых мулаток, она медленно снимала с пальца обручальное кольцо и шла на свидание с другим.

Прощание

***

А она уходила так тихо, словно никогда и не была рядом. Оставляла кольцо на столе в гостиной, проводила кончиками пальцев по корешкам книг, задерживала взгляд на совместных фото и беззвучно говорила «прощай». Она не собирала вещей, не складывала по коробкам любимые туфли и даже дорожная сумка осталась дальше пылиться на полке, чтобы лишний раз не тревожить его сон и своё разбитое сердце. Слезы выжигали глаза, наполняя душу отчаянием и той тонкой нитью безумия, которая после превращается в пустоту. Она его любила. Помнила каждую линию его тела, то, как он держал её за запястья (и никогда за ладони), как целовал шею, осторожно убирая пряди волос. Или как на первую годовщину принёс домой двух попугаев, чтобы выпустить их летать, словно голубей. Она тогда смеялась, словно ребёнок, пытаясь доказать, что бедные птицы не выживут и умрут; но он, одержимый своей идеей, отвечал, что «пока двое любят друг друга, все можно пережить». И они жили. Она носила его растянутую футболку, а он готовил на завтрак омлет. Они читали друг другу вслух книги по вечерам и комментировали каждую фразу с экрана в кинотеатре. Она заставляла его носить тапочки в квартире, а он стягивал с неё тёплые носки и согревал замерзающие ступни в своих ладонях…

…Все изменилось вчера. Они ужинали в ресторане, отмечая очередную годовщину, и он сказал, что хочет «попробовать что-то еще». Заказал рыбу вместо привычного стейка, попросил официанта принести что-нибудь покрепче вина. И ни разу не прикоснулся к её запястьям. Наверное, этого стоило ожидать ещё тогда – пару месяцев назад – когда вместо завтрака он просто налил себе кофе. Или когда переключил их «вечернюю программу» на другой канал. А, может, когда принёс ей розы, которые она так не любила… … Она стояла в прихожей и обводила взглядом родную, но такую чужую, гостиную. И вроде бы те же стены с бежевыми обоями, та же мебель, которую они целый месяц выбирали в каталогах, но ничего, наполненного теплотой. Её ждало солнце, волны Индийского океана и самый первый – новый – рассвет. Завтра Она откроет опухшие от слез глаза, выпьет бокал шампанского на завтрак и будет учиться жить без него. Без того, кто просто перестал её любить.

***

Было время, когда они писали друг другу длинные сообщения. Рассказывали о жизни, о том, как прошёл день, строили совместные планы и улыбались друг другу с разных концов земли. Иногда она читала ему книги, он засыпал примерно на второй странице, но открывая глаза все ещё слышал её тихий голос, заканчивающий рассказ.

Расстояние убивает.

Он помнил, с какой интонацией она произнесла его имя и как осторожно провела ладонью вдоль рукава при самой первой встрече. Они тогда всю ночь просидели в зале прилёта: пили холодный кофе, придумывали истории окружающим людям и молча смотрели друг другу в глаза. Она тогда задремала на его плече и он – аккуратно накрыв её своим пальто – несколько часов вдыхал, запоминал, наслаждался запахом её волос. Она улетала на рассвете. В пять тридцать утра они маленькими шагами отдалялись друг от друга, не желая расцеплять пальцы и запоминая каждую из миллиона крупинок в глазах. По её щекам стекали соленые слезы,

причёска растрепалась и одежда была слегка мятой, но она была самой прекрасной из всех, кого он когда-либо видел в своей жизни.…

Они встретились через триста дней. А спустя год он одевал тонкое обручальное кольцо на изящный палец любимых ладоней.

…Рой мыслей проносился в голове, пока взгляд провожал улетающий вдаль самолёт. Не успел. Спешил, бежал за ней, в попытке остановить, задержать, сказать, что все ещё любит каждую крупинку её карих глаз. Он до дрожи в запястьях ощущал, как разрываются небеса и как она навсегда уходит из его жизни.

Хрусталь

***

Этот вечный дождь за окном, сменяемый редким снегопадом, продолжал сводить с ума. Она яростно задернула шторы, потуже укуталась в шаль и мельком взглянула на телефон. Ничего. Тишина квартиры давила на виски, заставляя все быстрее опустошать бутылку какого-то грузинского вина с легким оттенком печали. Она уже не плакала. За миллиарды часов истерик, попыток разобраться в себе поняла, что бессмысленно. Не поможет ни красивое белье, ни подтянутое тело, ни то, как он прикасается к её запястьям… Если он уходит. Как по часам – одевает джинсы, накидывает на плечи пальто и растворяется в сумраке подъезда. Она знала наизусть каждое из его движений. Как застегивает молнию на кедах, как вытаскивает из кармана шапку и пытается пригладить и без того безупречные волосы. Потом будут нежные объятия, лёгкий поцелуй и «пора»…

Их отношения затягивались все туже. Постепенно начинали душить, выводить из себя и метаться в яростных попытках спасения. Это был Бермудских треугольник – Он, Она и Сотни его новых женщин. Где-то были известны имена, где-то случайно увиденные лица. И как бегущая строка – их переписка в её голове. …Последние капли вина всплеском опустились в бокал. Она слегка нахмурила нос, залпом осушила хрустальную вещицу и снова посмотрела в окно. Задернутые шторы не давали видеть ночной пейзаж и сгущающиеся сумерки, зато за ними отлично был слышен дождь, звонким стуком отдающийся в её голове. Она столько раз хотела уйти, сменить номера и вновь стать самой обычной девушкой во вселенной, что уже и забыла, что можно спокойно дышать. Её всегда останавливали его ладони, горячие поцелуи в запястье и бесконечные обещания, которым никогда не суждено было сбыться. Она поддавалась аромату его одеколона, блеску карих глаз, тому, как он прижимал к себе. Это была та тяга, которая постепенно убивает изнутри. Сжигает огнём надежды и не предлагает спасения.

<…>

И она ненавидела его. Ненавидела за то, что больше не могла любить.…

Она опустила бокал на стол и стала ждать. Минута. Две. Десять… Он позвонил через полчаса, выдохнул короткое «дома» и прошептал какие-то приторные нежности в ответ на её «хорошо». Отключив телефон, она погрузилась с головой в уже остывшую ванную, все ещё наполненную лепестками и его ароматом, и, считая до двадцати, искала смысл, чтобы всплывать. Её тело все ещё ощущало его прикосновения, а под ногтями остались крупицы его кожи.

Двенадцать.

Двадцать семь.

Тридцать…

Завтра будет таким же. Шторы. Дождь со снегом. И он, который будет любить её прямо там – на большом подоконнике в гостиной, вдавливая тело в жёсткий белоснежный пластик.

Сорок три.

Она вынырнула из воды, кашляя, задыхаясь, пытаясь найти полотенце и себя. Уже несколько лет в отражении она видела кого-то другого. С более светлыми волосами и загорелой кожей. С его отпечатками на груди и мужским одеколоном на запястьях. В голове стоял звон, словно бокалы, которые соприкасаются друг с другом и сразу бьются. Не просто дают трещину, а падают мелкими осколками на пол. И ты ступаешь по ним босоногими ногами, стонешь от боли, но вот уже какой день не сметаешь их следы с ковра. Он был её личным разбитым хрустальным бокалом. И она – испив до дна всю его сладость – так и не могла понять, как же

его забыть. И подобно наркоману-алкоголику, она – с дикой зависимость – впивалась в его губы с силой последнего поцелуя. Словно сегодняшний день действительно станет последним. И больше не будет никаких встреч. Она отключит телефон. Поменяет замки и то чертово окно с таким неудобным подоконником…

В мечтах Она сжигала кровать, его подарки и растворялась во тьме. Но ночь сменялась днём, неделя – месяцами, а она по-прежнему – с грацией дикой кошки – извивалась в руках, которые так ненавидела. Ненавидела за то, что не могла перестать любить.

Море

Миллиарды невысказанный букв лежали на дне не ванной. Она обрезала волосы, тонко подводила губы и – одевая на себя шлейф бессмысленных духов – выходила из дома. Где-то рядом сверкала вспышка фотографа, где-то гримёр поправлял волосы и заказчик кричал «выше»… А она молчала и полностью отдавалась во власть закату. Она так давно мечтала о чем-то, что уже забыла то самое главное, ради чего стоило жить. И обводя пустым взглядом толпы людей, терялась в их серости и безразличии.

…

Когда-то у неё был Он. Держал за запястья. Целовал в линию скул. И обещал самое вечное лето. Он нежно – кончиками пальцев – убирал выбившуюся прядь, накидывал пиджак на плечи и отпаивал самым вкусным чаем после очередных съёмок… Она тогда шутила, что когда-нибудь обожжется и он уйдёт, – а в ответ лишь получала хмурое лицо и слова о той – самой-самой заветной – любви…

Он исчез через год. Собрал чемодан, взял ключи от подаренного компанией автомобиля и уехал искать новую музу для своих подвигов. Больше не было теплых объятий, никто не закидывал по ночам ногу на её бедро и не прижимал крепко к груди. Она больше не слышала дыхания на соседней подушке и уже совсем забыла, что такое «чай». Все чаще на завтрак был «Моет», а на ужин – рояль мартини. Все больше серьёзных ролей в кино и никаких влюблённых глаз на журнальных снимках.

…

Его образ возник вчера. Она отчётливо увидела его сквозь стеклянную стену бара: до боли знакомый профиль, лёгкие ямочки на щеках, щетина и та ухмылка, которой много лет назад он сразил её сердце. И она влюбилась. Снова. До потери пульса, остановки дыхания и той самой тахикардии, от которой бежала столько лет…

Он произнёс что-то вроде «Здравствуй», а она лишь молча приподняла бокал и, отвернувшись, ушла из зала с другим.

Морской ветер раздувал платье, обнажал щиколотки босых ног и заставлял бежать. Она уже не слышала ни фотографа, ни десяток других голосов, срывала с себя дорогие украшения, лёгкие ткани и отдавалась во власть тех чувств, которые таились все эти годы…

Море поглощало её осторожно. С приливом. Как заботливые руки самого любимого человека…

***

А её ненависть таилась где-то между пушистых ресниц и его – ставших чужими – ладоней. Он клал руку на талию, притягивал к себе и шептал на ухо те самые заветные, от которых обычно перехватывает дыхание и подкашиваются ноги у очень впечатлительных особ. Ровно год, как она его не любила. Готовила завтраки по утрам, гладила рубашки, встречала с «командировок», которые на деле оказывались сплошным блядством. И, ставя на центральную полку в гостиной очередной привезённый сувенир, она перебирала в памяти все даты/события/имена и лишь сильнее отдалялась от его души.

Он был беспощаден. Бросался фразами, что целовал секретаршу, приезжал на день рождения из чужих постелей, возил в их загородные дома других женщин…

Она давно исчерпала оправдания своему терпению: закалка характера, любовь, дети, деньги… И 365 дней, как не сидела в ожидании у окна. Телефон в режиме «беззвучен», в колонках – мотивы попсы, а в сердце – снег с легким приступом простуды. Она ещё помнила большие букеты, поездки и клятвы в вечной любви. Помнила кольцо на пальце, как он

держал её за руки. И как – поочередно стреляя словами – убивал её навсегда. Он таскал ее к семейному терапевту, покупал дорогие подарки, водил на выставки и в театры, но все реже говорил «люблю». Да и не верила она в этот бред из его уст, как и ласковым фразам, которыми он наполнял тишину. И ненависть – сотни тысяч часов таящаяся внутри – постепенно сжигала её сердце.

Она давно сняла кольцо и даже не помнила, куда положила, лишь иногда – по привычке – потирала его след на безымянном пальце. А он и не спрашивал, так как сам забыл о существовании своего. Их брак все больше напоминал фикцию, формальность и лишь являлся поводом для сплетен в очередном модном журнале. И ложась вечером в пустую холодную постель, она – как много лет назад – писала «Пойдём в пятницу в кино?», – но уже другому мужчине.

Они

***

А она ухаживала за ним, когда он болел. Гладила по плечу, заваривала розмариновый чай и укрывала тёплым пледом. Она читала ему книги – с десяток разных историй, проверяла температуру, пока он спал и могла признаться, что все ещё – безумно и непередаваемо – любит его…

У него была дурная привычка – спать на двух-трёх подушках. И ей приходилось по семь раз в день взбивать каждую из них. Она кормила его куриным бульоном, сидела на полу рядом с кроватью во время просмотра фильмов и все ещё не решалась посмотреть в глаза…

Он болел три недели. Запомнил запах её волос. То, как она хмурит брови или смеётся над очередной шуткой в кино. Он знал, сколько оборотов ложкой она делает, чтобы размешать сахар и сколько яиц любит на завтрак. Из-под опущенных ресниц он – притворяясь спящим – двадцать один день наблюдал за ней. За тем, как она чистит зубы или поправляет постель. Как разговаривает по телефону на балконе (чтобы не потревожить его сон). И как отпаивает его с ложечки травяными настоями. Он любил её. Знал наизусть каждую крапинку в глазах. И мечтал прикоснуться к ладоням.

– Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?

– Знаю, – ответила она так тихо, словно ему померещилось.

– Тогда…

– Завтра утром я уеду. Думаю, ты будешь ещё спать и даже не заметишь моего отсутствия после. Выйдешь на работу, закрутишься в делах/встречах и ежедневных вечеринках… И забудешь меня. Это не любовь. Она не такая. А ты просто не умеешь любить.

Она уходила, как и обещала, рано утром. Он вслушивался в скрип половиц в соседней комнате, мечтая ворваться, обнять и оставить рядом с собой навсегда. Но единственное, что мог сделать – это притвориться спящим, когда дверь внезапно открылась. Она стояла на пороге – бледная, красивая, с лёгкой дымкой в глазах. И молчала. Молчала минуту, две, десять… И, осторожно ступая, боясь разбудить, приблизилась к его кровати. Он был таким – каким она его ещё не знала. Добрым, заботливым, нежным. Не отвечал на звонки и всегда смеялся вместе с ней… Пальцы осторожно перебирали его короткие волосы – неосознанно, в каком-то плове грусти и отчаяния. Она ласково коснулась губами его лба и прошептала «Прощай»…

Он догнал её уже на аллее – она сидела на лавочке, сжимала до побелевших пальцев сумку и плакала. Он сел рядом и молчал вместе с ней. Полчаса, час. Пальцы сами переплелись с её ладонями, а сумка давно валялась где-то на земле. Город постепенно просыпался, спешил на работу и в суматохе не замечал двух людей на старой лавочке в глубине аллеи – красивого юношу и девушку, спящую на его плече.

Три

У неё была любимая цифра три. Она могла позвонить три раза и три раза позвать в кино. Обычно пряталась под одеяло третьего числа каждого месяца и перепрыгивала через три последние ступеньки даже на каблуках… Была какая-то ирония и лёгкое очарование в этих её приметах, превратившихся из привычек в правила жизни.

– Пойдём в кино? – написала она однажды через три месяца тишины.

– Хорошо… Но позже, я занят.

И пока он решал проблемы, она покупала три сладких чупа-чупса и бежала через лужи до метро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.